

ЗАПИСКИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

18. VII.

Наум Исаевич выписывается. Жаль: я уже к нему привык. Кого-то теперь ко мне поделят? Главное, конечно, чтобы не храпел.

Сегодня пошел шестнадцатый день, как здесь валяюсь. Говорят, что самое опасное - это две первые недели. Так что пока - тьфу, тьфу... Как же это моего нового врача зовут: Лариса Александровна, Лариса Алексеевна? Надо будет у тети Маши уточнить. Лет ей, наверное... двадцать. Впрочем, нет, двадцать быть не может. Ведь в институт когда поступают? Наверное, двадцать три, а может быть и побольше... Ведь Гале, когда мы с ней познакомились, сколько было?

Ростом только мала, а очки, по-моему, исключительно для важности носит. Что уж она в этих инфарктах понимает... а, впрочем, может, что-нибудь и понимает. Так она, как будто, девочка умненькая. Строга уж очень. "Я не знаю, кто вам панангин назначил. Здесь вы будете принимать то, что я вам назначила..." Симпатичная, очень симпатичная... Боже мой, боже мой... Мог ли я зимой подумать?

Наум Исаевич обещал заходить. Едва ли. Едва ли он будет заходить. Не то это место, куда возвращаются. Дома болеть - совсем другое дело. Пока лежишь дома, все кажется, что дурака валяешь. И вещи твои со всех сторон на тебя смотрят и удивляются: "Что за черт, уже час дня, а он все с кровати не встает!" Зато уж тут... В конце концов, если будет храпеть, можно попросить перевести в другую палату: сейчас здесь, кажется, более или менее свободно. Главное, чтобы был не тяжелым.

21. VII.

Сегодня мой сопалатник Иван Игнатьевич решил, наконец, все про меня

ВЫЯСНИТЬ.

- Так, - сказал он, - Семен Иннокентиевич, я что-то не совсем понял. Вот эта пожилая дама, которая к вам приходила позавчера, это...

- Это моя жена.

Он крикнул одобрительно, видимо, это подтвердило его догадку.

- Простите - нескромный вопрос: это она вас или вы ее?

- Кто кого оставил?

- Ну да.

- Вы знаете, я что-то теперь толком даже и не помню. Это давно было.

- Но все-таки она вас, значит, не забыла, приходит ведь? И апельсины какие принесла. Где это она интересно достала? Надо будет мне моей супруге тоже наказать.

- Иван Игнатьевич, берите ради бога, сделайте одолжение.

- Да нет, спасибо, я, по правде сказать, не такой уж любитель всего этого. Может быть, как-нибудь потом. Так я говорю, не забыла, значит?

- Сначала не забыла, потом забыла, теперь вот опять вспомнила.

- Она что ж, замуж вышла или так осталась? - поинтересовался Иван Игнатьевич.

- Замуж вышла. Только муж ее сейчас очень больной человек.

Тяжелейший артрит.

"Да и ты на ладан дышишь, - додумал я за него, - не везет твоей жене с мужьями, хоть ты что".

Помолчали. Следующий его вопрос был мне столь очевиден, что я мог бы задать его и сам.

- Ну а вот эта молодая дама, которая приходила вчера, это...

- А это моя вторая жена.

Тут уж я решил не ждать наводящих вопросов: лежим мы вдвоем, делать нам нечего. Днем раньше, днем позже все равно ему будет все про меня известно.

- С ней мы тоже разошлись. Она меня оставила. Это было недавно, так что это я хорошо помню.

Иван Игнатьевич начал уже переходить грань приличия.

- И когда ж это было?

- Когда мы разошлись?

- Ну да.

- В конце июня.

- А сюда вы попали в начале июля?

- Да. Сюда я попал второго июля.

Замолчали. Ход его мыслей был мне так понятен, как будто эти мысли складывались не в его, а в моей голове. Да и мысли-то были такие несложные. Если бы я ему еще сказал, что инфаркт случился у меня через три дня после того, как она переехала к Кириллу. Но ему и без того все было ясно, как, впрочем, и всем. Всем было все в этой истории так ясно, что я даже и сам начинал иногда сомневаться: может, правда, так оно и есть.

Про Галю уж что и говорить: она так упивается своей виной, так казнит себя, что на нее прямо смотреть жалко. И все-таки, если бы она узнала, что инфаркт у меня совсем не потому, что она меня бросила, а оттого, что какому-то там сосудику в сердце срок вышел и он сжался и перестал кровь пропускать, то, наверное, была бы разочарована.

Любопытство Ивана Игнатьевича было, видимо, удовлетворено, глубже его эта проблема не интересовала, он высказал еще что-то насчет разницы возрастов и приготовился рассказывать мне свою жизнь. Но здесь пришел врач с вечерним обходом, и беседа наша была прервана.

24. VII.

Вчера Галя принесла зеркало побольше, как я и просил. Так что сегодня брился значительно более осмысленно, чем до сих пор. Имел одновременный и полный обзор всех своих владений. Разглядывал свою физиономию

внимательно и с пристрастием. Увы, увy - ничего поучительного я в этом зрелище не почерпнул. Как это ни печально, как это ни прискорбно - ничего. Волос на голове совсем уж никаких не осталось. Один бордюрик, да и тот какой-то жиденький, седенький. Глаза выпученные, взгляд мутный. Во взоре ни огня, ни задумчивости... прямо хоть плач; ни бровей, ни ресниц... То есть имеется, конечно, что-то. Но разве это то, что нужно? Штучки какие-то белые повыскакивали. Наверное, от неправильного обмена. Надо будет сказать, чтобы витаминов принесли. Толку от них, конечно, никакого нет, но все-таки будет считаться, что лечусь. А главное - морщины. Откуда их столько? Одна здоровая от угла носа к углу рта, прямо, как девятый вал, за ней еще целый батальон выстроился. Похож я, пожалуй, на Стравинского в старости. Или на Пикассо, тоже в старости. А, может быть, ни на того, ни на другого.

Надо будет это зеркало отдать обратно. Никакой радости от него нет. В то маленькое, когда смотришься, видишь кусок носа или угол рта, а все остальное уже дорисовываешь воображением. И это, скажу я вам, в тысячу раз приятнее, чем так называемая реальность, чтоб ей пусто было!

Стравинский, Пикассо... Ах, судьба, судьба, почему ты так неравномерно распределяешь дары свои? Почему им было дано прожить так ярко, а мне так бесцветно... "Семен Иннокентьевич Ширу!", - и зал замирает. Так вот нет - все только наклоняешься к окошечку: "Девушка, запишите меня, пожалуйста, к терапевту. Ширу С. И." - "Простите, как?" - "Ширу. Шура, Иван, Роман, Ульяна". - "Ширу?" - "Правильно". И никто не замирает. Ни зал, ни ползала, ни четверть зала, ни одна... Что-то мне надо было не забыть сказать? Чтобы Ольга позвонила в местком и напомнила про путевку и еще что-то... А да ну их всех к черту! На тот свет я попаду и без путевки. Что-то надо было еще напомнить?... Ах, да. Пусть Галя принесет Библию. Как это Апостол учил: "Не мечтайте о себе". Не мечтайте о себе, а я что?

25. VII.

Когда я о нем в первый раз услышал-то? Ага, это когда она ездила на конференцию в Минск. В каком же это году было? Виктор Николаевич купил новую "Волгу" в 69-ом, значит... Стоп, стоп, стоп... а да неважно. "Ба! Какой у тебя чемодан тяжелющий. А кто же тебе его там-то до поезда тащил?" - "Там мне Кирилл помог. Ну что у нас дома нового?.." Конечно, я этого Кирилла на вокзале не заметил, там такая толкучка была, да я и внимания тогда на это имя не обратил. Это уже потом началось... Как это она мне сказала: "Ты меня сам заставил с ним встречаться тайно". Вот как это у них называется. Я ее заставил! Ничего себе. Я, по-моему, только ее попросил, чтобы она про Кирилла мне говорила не через каждые три слова, а хотя бы через десять. Я ее заставил!

Как сейчас помню, как он у нас первый раз появился. "А чем вы занимаетесь-то, Кирилл, я что-то забыл?" - "Чем я занимаюсь? Да я все глубже и глубже проникаю в тайны деятельности мозга. Я - нейрофизиолог, работаю в институте физиологии. Такая у нас, знаете ли, официальная формула - все глубже и глубже в тайны деятельности мозга. Хотя зачем нужно в эти тайны проникать - убей меня бог, не знаю..."

Так они изволили отозваться о своей профессии. Кокетка! Но хорош. Я как посмотрел на него, так сразу и понял, что мне крышка: такой благородный, интеллигентный, волосы густые, темные и смотрит очень выразительно... И какая-то несообразность между тем - как смотрит и - как говорит. Во взгляде - меланхолия, печаль, а разговор нервный, немного вычурный, так что создается впечатление, что он старается себя встряхнуть, вывести из этой своей задумчивости.

Впрочем, при тех обстоятельствах, при которых я его знал, особенно при первой встрече, все это естественно. Ведь у них тогда уже что-то было. А может быть, тогда еще и не было. Это в каком было месяце? Виктор Николаевич попал в аварию...

Ах, Виктор Николаевич, Виктор Николаевич... Сейчас опять холодную манную кашу принесут. Придется есть, хотя вот уже чего не хочется, того не

хочется. Есть просто так - *pour passer le temps* (чтобы провести время). Как это, у Арагона, кажется, есть такое стихотворение. *Je chante pour passer le temps* (я пою, чтобы провести время), ну вот, а *Je mange pour passer le temps* (я ем, чтобы провести время), все только и делается *pour passer le temps*... Ну, вот и поел. Теперь бы чем-нибудь перебить вкус этой преснятины. Если бы покурить! Как просил, ведь, как просил. "Ты что с ума сошел! Мы же тебе не враги..." Чтоб они сдохли! Лучше уж враги, от которых хоть какое-то развлечение, чем друзья, которые только тоску нагоняют. Прости, господи, меня грешного, что бы я тут без них делал. Но если бы закурить!

"Иван Игнатьевич, сколько сейчас времени, а то мои что-то показывают невесть что... Неужто еще только шесть? Нет, нет, спасибо ничего не надо... может быть, кто-нибудь и придет... Сегодня что - среда? Вы пойдете телевизор смотреть? Попросите, пожалуйста, у сестры... кто, кстати, сегодня дежурит... тетя Маша... Попросите, чтобы она горчичник принесла... да что-то немножко побаливает... может быть, и погода... это не обязательно сейчас..."

26. VII.

Наверное, в развитии их романа был какой-то период, когда они решили установить высокие и прекрасные отношения... Они будут друзьями. Он будет бывать у нас дома... Чего только не снится влюбленным. Им показалось, что такое возможно!

Это не было ходом в игре. Убежден, что между ними тогда еще ничего серьезного не было. Они еще только заглянули в бездну... первый поцелуй, наскоро, наверное, где-нибудь в подъезде. Ба! Да почему "где-нибудь" - в нашем подъезде, где же еще! В нашем же подъезде, небось, и целовались. Ах, сукины дети! Можно сказать, под самым у меня носом. Особой опасности я собой, конечно, никогда не представлял, но все-таки, надо же знать и приличие. А потом, наверное, провели бессонную ночь и решили больше не

встречаться. А потом провели еще одну бессонную ночь и решили установить высокие и прекрасные отношения.

И вот квартира моя превратилась в сцену. И начал на ней разыгрываться этот спектакль.

- Вы случайно не знаете, что нынче дают "у Ширу"?

- Ну как же, как же "Menage en trois" (Любовь втроем) - старая как мир пьеса Кирилла Лапицкого, с ним же в главной роли.

- Ах, вот оно что. А сам Ширу-то какую там роль играет?

- Да незавидную, знаете ли, незавидную. Впрочем, он, кажется, доволен.

А ведь я и в самом деле был доволен. Они меня тоже втянули в эту игру. И это была честная игра - я в этом не сомневаюсь. Никакое это не было "menage en trois". Они играли честно. Только пока они играли, этот вот, который с рогами и копытами, потирал за кулисами руки (или не руки, а что у него там?), потому что он видел, как зреет плод, и предвкушал, как в один прекрасный день...

Тогда-то она и начала приносить мне его художественные произведения. "Как, он еще и рассказы пишет?" (Я, кажется, сказал: "Он еще у тебя и рассказы пишет!" - и подумал, что что-то слишком быстро я сдаю свои позиции). "Король и город" - притча, "В троллейбусном кольце" - рассказ, "В сумерках" - рассказ. Еще что-то. Пожалуй, наберется на целый сборник. Конечно, сыро это все. Недоделано, недоработано. Но способности у него есть, бесспорно, есть. И способности есть, и мысли...

Прервался для измерения температуры: 36,8. И способности есть, и мысли. А в моем лице нашлись и почитатели. Смешно сказать, а я и вправду увлекся его произведениями. И меня он втянул в этот сумеречный мир, в эту жизнь - не жизнь. Хотя, казалось бы, что мне-то уж вся эта метафизика совсем ни с какого бока. Так нет вот, и меня забрало.

"Торжество абсурда", - про что это он сказал? Ах да - это, когда их посылали на овощную базу перебирать морковь.

"Вы знаете, меня не покидало какое-то метафизическое ощущение нереальности происходящего. Около конвейера, где хороший хозяин поставил бы двух баб, нас стояло восемь человек, восемь мужчин, из которых четыре - доктора наук. Мы сортировали морковь. А те самые две бабы, которые должны были бы стоять на нашем месте, прогуливались рядом и на нас покрикивали; от них зависело: отпустят нас на час раньше или нет. Это была фантазмагория. Торжество абсурда. Здесь нужен был Кафка, Питер Брейгель. Это была их стихия!"

- Вы, - говорю, - Кирилл, все это так остро чувствуете, что могли бы описать не хуже Кафки.

- Ну что вы, - говорит, - что вы. Где уж мне до него!

И вдруг улыбнулся, мило так, совсем как девочка. В нем вообще есть что-то девичье. Наверное, потому-то он и нравится женщинам. Как я успел заметить: женщины любят, чтобы в мужчине было немного женского начала. Он мог бы иметь большой успех. Только ведь он боится женщин, как, впрочем, боится всякой реальной жизни. "Вы знаете, ведь я во всем этом как-то неумел", - признался он мне.

"Неумел, неумел", однако, у нас в подъезде... сумел же... Какое-то там объявление висит уже полгода. "Куплю детскую коляску..." И торжества абсурда не испугался.

- Ты что не раздеваешься? - говорю. - Случилось что-нибудь?

- Да, случилось. Я люблю Кирилла, - и в слезы.

- Так, что нынче дают "у Ширу"?

- Ах, жутко скучная, мелодрама. Я ушел после второго акта. Не знаю даже, чем там все кончилось.

28. VII.

Думал сегодня об этой его притче "Король и город". Да, это верно, это верно. Человеку всегда чего-то не хватает.

Чего-то самого главного: какой-то завершенности. И в молодости, и в зрелости, и в старости. Бывает, что все есть: и работа, и любовь, и, кажется, нужно лишь руку протянуть, чтобы достичь то, чему нет имени, но в чем одном только и заключен истинный смысл всего, ради чего живешь. Но именно это-то и невозможно. И мы всегда только в пути. В одном переходе или в нескольких, но всегда только в пути. А то, к чему стремимся, в чем должны раскрыться, так, чтобы ничего от нас уже не осталось, во что должны войти как в свой родной дом - это всего лишь мираж...

Интересно, когда этот король ложится в кровать с моей женой, достигает ли он города, в котором родился? Едва ли. Может быть, на самом-то деле я значительно ближе к этому городу. Вот эта комната с голыми стенами, эта чужая кровать - вот он, край леса. Отсюда, может быть, даже меньше, чем один переход... Только существует ли этот город?

Кирилл все время кокетничает со смертью, а ей-то, по-моему, больше нравлюсь я. Наконец-то найдется женщина, которая предпочтет меня другому мужчине.

2. VIII.

Сегодня мне в голову пришла прекрасная мысль. Или, вернее, не "пришла", а прямо вбежала. Дверь нараспашку...

"Ха-ха-ха. Слушай, что я придумала. Кирилл и ты - это одно лицо". - "Как так?" - "Да вот так". - "Объясни толком". - "Ну, ты же сам говорил, что в вас много общего". - "Ну". - "Так вот не "много общего", а просто вы - один человек. Только он это ты - проявленный. Понимаешь, ты всегда был чем-то занят, чем-то конкретным, ты сам всегда говорил: время, мол, обстоятельства, трудности, то, другое... война... У тебя не было случая толком подумать о разных вещах, заняться чем-нибудь не для дела, не для работы, а так - ни для чего, для себя. А у него все есть это. Поэтому он - это, как бы тебе сказать, это... спиритуализация тебя". В устах хорошенькой женщины это прозвучало довольно забавно. Но она именно так и сказала:

"...Это спиритуализация тебя"... "Ну, понял, понял? Так что, в сущности, можешь считать, что я от тебя и не уходила, просто перешла с одного этажа на другой, от тебя - низшего к тебе - высшему". Вскочила, опять: "Ха-ха-ха". В щеку меня чмокнула: "Ля-ля", - и нет ее...

А я лежу и размышляю. Что же, может быть, это и не так глупо. Действительно, в нем осуществилось многое такое, что во мне только намечалось. Потому-то я и понимаю его так хорошо, потому-то и ее ревную так мало, что вижу в нем себя. Только себя более талантливого, более раскованного, рискнувшего тем, чем сам бы я никогда не рискнул: этой сублимацией, этой нереальностью. Писать рассказы, описывать свои состояния... ну это еще куда ни шло... но давать эти рассказы читать другим, обсуждать себя как постороннего, играть в себя - нет, это уж увольте. Я принадлежу к поколению, у которого было слишком много реальных проблем: сначала надо было, чтобы тебя не посадили, потом чтобы не убили на войне, потом - как-то устроиться после войны... Сейчас совсем другое дело, сейчас ничего не происходит. Удав заглотил достаточно событий, чтобы их переваривать. Дохлое время. Глава государства развлекается тем, что вешает себе на грудь новые ордена, население спивается от скуки и безделья, а кучка интеллигенции либо борется с тенями прошлых кошмаров, либо занимается сублимацией. Как это он однажды сказал: "Вне религии нет искусства". Да с такой категоричностью, как будто это уже вполне установленная вещь. Что он, действительно так считает? Я потом полночи думал: есть ли искусство вне религии или нет... Все это было у нас популярно в начале века: богоискательство, психоанализ... а потом была дыра. В ней-то я и просидел. Для нас это все - крайне реакционные взгляды. Посмотришь в философский словарь, что такое экзистенциализм - реакционное буржуазное учение, а что такое фрейдизм - крайне реакционное течение правых кругов...

Вот я и занялся строительством. Проектировал дома, детские сады. Строительство - это всегда хлеб. Строил и в Москве, и на периферии. И под

конец ведь неплохо стало получаться, научился ведь чему-то. Вот Виктор Николаевич приехал из Финляндии, говорит, я у них там в такой чести, прямо - классик... вот так... а он что, что он умеет... Почему же он - высший, а я - низший.

И все-таки - это так. И если нужны доказательства, то идти далеко не придется. Вот он - "я - низший", валяюсь здесь и, того гляди, околею, а он... то есть "я - высший" спит с моей женой, пишет рассказы, проникает в тайны мозга и... испытывает глубокую неудовлетворенность, потому что не может достичь города, в котором родился. Эх, Кирилл Константинович, мне бы да ваши заботы!

Будь оно проклято, вроде опять живот схватило. Во всем этом инфаркте - это самое поганое, беспомощность. Опять придется людей беспокоить. Может, обойдется как-нибудь. Кто у нас дежурит-то сегодня?

5. VIII.

Я ей тогда сказал: "Кирилл твой не живет. Он все только решает проблему жизни..." Да ведь на самом-то деле жить по-настоящему начинаешь только в старости, когда отдельные впечатления перестают тебя слишком волновать, перестают застилать всю картину в целом. И вот она предстает перед тобой - жизнь. Не твоя жизнь, не жизнь, отягощенная тобой, твоим отношением к ней, а вообще жизнь, жизнь без тебя. Вот она раздувает утро, вот она подает надежду, вот она дарит радость, вот она опускает вечер, вот она опускает последний вечер...

Перед смертью, говорят, бывает какой-то короткий промежуток, когда наступает этот экстаз жизни: несколько дней, может быть, несколько секунд...

Куда ж это я очки засунул? Только что ведь тут были. А, черт! За кровать, что ль, завалились...

О чем это я думал? Ах да - жизнь в последние минуты.

Верно, верно. Жизнь, как женщина, ценить ее начинаешь, когда она уходит. Фу, какая пошлость. Ай, ай, ай. Ах, вот они! Слава Богу. По радио-то есть сегодня что-нибудь? 18.30. 18.30. Ага, вот, 18.30 - концерт по заявкам. Ну, куда ни шло. Знатная доярка хочет послушать меланхолическую серенаду... Каким убожеством приходится ограничиваться! И это тогда, когда вся московская интеллигенция подсаживается к своим спидолам, предвкушая услышать, что новенького выкинул академик Сахаров... Меланхолическая серенада... Вот тебе и меланхолическая серенада.

6. VIII.

Мир без меня. Чем старше становлюсь, тем все более реально себе это представляю. Раньше, в молодости, мысль о том, что я уйду, а он останется, настолько оскорбляла мое самолюбие, что я не мог допустить ее всерьез. Кажется, я мог бы примириться с обратным: он уйдет, а я останусь. Теперь что-то изменилось во мне. Может быть, я сам стал меньше для себя значить, может быть, просто устал, но только мысль эта совсем перестала меня травмировать; пожалуй, она даже превратилась в источник успокоения, чтобы не сказать - радости.

Странное что-то происходит, когда пытаешься представить жизнь без тебя: пропадают желания, пропадает страх, как будто перестаешь быть собой и оживаешь в вещах, которые тебя окружают.

Помню, как прошлой зимой, ужасно усталый, после работы, шел за рукописью к машинистке. Ее парадное в углу двора. А двор большой, как площадь, - пересечь его целое путешествие. А у меня уже ноги не идут, прямо хоть плачь. Прошел я под арку, дошел до ближайшего дерева и прислонился к нему, чтобы немного передохнуть. Стою и смотрю на двор, на окна, на детскую спортивную площадку, на автомобили, засыпанные снегом... И вдруг случилось что-то со мной. Заснул я, что ль, на секунду или что-то другое произошло, только увидел я вдруг все это совсем иначе, совсем не так, как видел несколько мгновений назад. Грузовик во двор въезжает,

снег падает на деревья, собака бежит за палкой... а меня нет, а если и есть, то не сейчас, не здесь, не в этом дворе, и сам этот двор - не часть моего пути, моей усталости, а самостоятельный мир, живущий своей жизнью, смотрящий на меня с картины, как смотрят сотни дворов и парков, и каналов, которые тоже когда-то на миг становились частью чьей-то жизни, а потом выскальзывали из нее, потому что никогда ей и не принадлежали, и сливались друг с другом в вечном круговращении, в таинстве, в действе, именуемом жизнью.

И вздохнув, я побрел дальше. Все тот же, и все-таки чем-то не совсем тот же.

Да, да, в этом есть что-то успокаивающее. Автомобили, которые шумят за окном, люди, которые ходят по коридору, не знают, что я есть, не подозревают о моем существовании. Для всех них меня уже нет. Мой уход из жизни никак их не коснется, они его не заметят.

Если смотреть на себя с точки зрения жизни, то можно видеть, что в некотором отношении твой уход есть благо. Она перестанет метаться между ним и мной, у них пойдет нормальная жизнь. Ведь Кирилл по-настоящему хороший человек. В жизни не так-то часто встречаются стоящие люди. Из моей жизни ведь она, в сущности, уже ушла. Как быстро, как легко. Я никогда не думал, что это будет так легко. Нас связывают лишь какие-то поверхностные силы натяжения, лишь законы инерции. А внутри меня ее уже нет. И это тоже - благо. Все хорошо, все хорошо. Сегодня был удивительно приятный спокойный день. Хорошо бы, чтобы все дни были бы такие же, как этот... Сколько сейчас времени? Пора уже спать. *Vonne nuit.*

7. VIII.

Как описать утром то, что происходило с тобой ночью? Эти мучения невыразимы. Тебя отзывают в сторону и показывают что-то ужасное. А потом ты возвращаешься назад, туда, где никто не знает о том, что тебе было показано, где жизнь течет так же, как она и текла раньше, где приносят

градусник, где лежит книжка, которую читал накануне, где пережитому нет ни места, ни названия. И все же ты знаешь, что оно существует и может в любой момент возникнуть вновь.

Я сидел в кресле, а она присела на краешек дивана и рассказывала про то, как ей удалось без билета проскочить на итальянскую оперу. И она была такая веселая, такая оживленная, такая близкая. Я испытывал к ней столько нежности, что вся моя жизнь была в том, чтобы любить ее. И так было мне хорошо, так прекрасно. И все это было такое реальное, такое настоящее, так непохожее на сон. И вдруг я увидел Кирилла, он стоял с портфелем в руках, и выражение лица у него было удивительно неприятное, удивительно мрачное. И в этот момент я испытал острую боль и страх, что сейчас ее у меня отнимут.

И тут же понял, что все кончено. Никогда больше мы не будем вместе. Вот он этот суррогат, который теперь и есть моя жизнь: голая стена, дверь, спинка кровати.

А она плачет и плачет, и внутри меня все сжимается.

Родная моя, мне ничего не нужно. Я - старый человек, и скоро умру. Успокойся, ради бога, успокойся.

8. VIII.

Господи, до чего же смешной человек этот Виктор Николаевич! Милый, но ужасно смешной. Росточка небольшого, крепыш такой, похож на бычка, которого чем-то обидели, хотя чем - непонятно. Со зрением у него неважно - очки толстенные, но в остальном... Сколько же он у меня вчера просидел. Чего только про себя не порассказал!

Подумать, кажется, так все удачно у него складывается, такая жизнь благополучная, только позавидовать можно. Здоров, относительно молод (сколько ему? Лет сорок пять наверно), богат (по нашим масштабам), любим. Добился известного положения, занимает хорошее место и, как пишут в характеристиках, "пользуется заслуженным уважением коллектива". И

притом приличный порядочный человек - никого не подсиживает, никому гадостей не делает, на компромиссы идет не больше, чем все остальные. Ну что еще нужно?! И в то же время такой страдалец, прямо смотреть жалко: все страдает и страдает, страдает и страдает... Тьфу ты дьявол! Только хотел дать психологическую зарисовку, а тут паста в карандаше кончается. Пишешь для грядущих поколений, свидетельствуешь, можно сказать, почти с того света, а из-за такой ерунды приходится прерываться... Ну вот, слава Богу, оказывается, это штучка запасная есть... да, так вот я говорю: страдает и страдает. Страдает из-за какого-то постоянного ощущения несоответствия своей личности и своей жизни. На работе он считается одним из самых способных инженеров-проектировщиков, но сам считает, что строительство - это не его призвание и страдает оттого, что занят не тем делом, для которого создан. А для чего создан, он толком не знает, но сильно подозревает, что для того, чтобы быть пианистом. Однако обстоятельства не сложились и пианистом он стать не смог. Так, кажется, играй для собственного удовольствия, упражняйся, совершенствуйся. И люди, которые слышали его игру, говорят, что играет очень прилично. Казалось бы - радуйся, так нет же - страдает. Страдает оттого, что время упущено, что он всего лишь жалкий дилетант, что до Рихтера ему как до звезды небесной и что вообще жизнь его не удалась и данные Богом дары растрочены впустую.

Или вот, взять хотя бы языки. Я французский, по-моему, всю жизнь долблю, но дальше *Je vous aime* (я вас люблю) не сильно продвинулся. И все-таки это *Je vous aime* пару раз сумел ввернуть очень даже вовремя, чем и горжусь... Кончилось, правда, все это не очень складно, но это уж не от незнания французского... А он английский чуть не за год так выучил, что специальную литературу совершенно свободно читает, но... "Сунулся тут было в Фолкнера и, прямо хоть плач, ничего не понимаю. И что самое ужасное - чувствую, что никогда ничего не буду понимать. Учил, учил и все зря. Для серьезных занятий ни времени нет, да и голова уже не та. Бросать надо все".

Сидел у меня вчера часов пять. Я под конец уж до того устал, что прямо мочи никакой нет. Все говорит и говорит, говорит и говорит. Потом вдруг сообразил, что я только что после инфаркта и стал так переживать, что меня утомил, так угрызаться, что я уж и не знал, как его успокоить. Ушел в таком глубоком, безнадежном унынии, что я уж просил Ольгу ему сегодня позвонить, выяснить - не сотворил ли он чего над собой. Такой милый, интеллигентный человек... Как время идет... Кажется, не так уж давно мы с ним познакомились, а ведь я по пальцам могу пересчитать людей, которых знаю так долго... Какое странное освещение. Может быть, дождь собирается. Что-то мне сегодня не по себе... Почему я вдруг про Виктора Николаевича вспомнил? Ах да, ведь он у меня вчера был. Все не то, все не то. Если бы я умел молиться. Надо будет напомнить Гале, чтобы принесла Библию. У апостола Павла есть какие-то слова... не могу вспомнить.

10. VIII.

Иван Игнатьевич обещал, что скоро нам будут оказывать особое внимание. Сын заведующего нашим отделением, профессора Землянского, этой осенью поступает в экономический институт, где зять Ивана Игнатьевича, некто Михаил Сергеевич Тоцкий, зам. декана. Все по благу, все по благу. Ах, если бы дочка моего Инфаркта поступала бы в какой-нибудь строительный институт, я мог бы считать себя тогда поправившимся... Какое нам, впрочем, нужно "особое внимание". Не надо Бога гневить, уход здесь вполне приличный. Да и пигалица, которая ко мне лечащим врачом приставлена, по-моему, делает все, что от нее зависит. Я уже не говорю про сестер и нянечек. Не все, конечно, но некоторые - просто замечательные. Та же тетя Маша. Ведь не попадешь в больницу - не узнаешь, что такие люди на свете есть. Кормят, конечно, паршиво. Кто-то говорил: 70 копеек в день. Да еще ведь и украсть с этого что-то нужно.

11. VIII.

Плохо быть старым, больным и одиноким. Плохо, когда твоя жизнь не имеет никакой основы.

Основа жизни - это близкие люди. Все, что кажется существенным пока молод и здоров: книги, работа, приятели, интересные разговоры, все это - одна мишура. Душе нужен близкий друг. Когда его нет, то непонятно, зачем жить. Некому пожаловаться. Никто не согреет. Так холодно. Так пусто... Боже мой, боже мой! Ведь я же никому не нужен... Будет, будет, хватит распускаться. Надо держать себя в руках... Сколько людей прошло через жизнь - и нет ни одного близкого человека. Если бы мама была жива.

12. VIII.

Виктор Николаевич решил исправить впечатление. Забежал ко мне сегодня таким бодрячком. Апельсины принес. (Господи, все тащат апельсины. Прямо хоть лавку открывай). Сидел не больше пяти минут. Пока Иван Игнатьевич куда-то выходил, анекдот рассказал отличный. Как это, как это? "Петька прибегает. Василий Иванович..." ...ха, ха, ха... В лучшие годы такой анекдот, пожалуй, лет на десять бы потянул. Остался, очевидно, очень собой доволен. И меня развлек.

13. VIII.

Ничего мне сегодня в голову не приходит. Не знаю даже, что и записать. Сначала было утро, разносили градусники... Потом день кое-как протянулся. Теперь вот вечер. Скоро спать. Ну и что? Зачем это? Зачем приходил этот день? Мог бы, кажется, и не приходиться. Ко мне, во всяком случае, мог бы и не приходиться. Может быть, к кому-нибудь другому... К кому-нибудь, у кого больше тяга к жизни... Тяга к жизни - это что-то иррациональное. Пока человек жив, она у него есть, а потом ее уже нет, а он еще жив.

Вокруг тебя все вертится с видимостью какого-то смысла. Пока ты здоров, никому до тебя нет дела, все только и направлено на то, чтобы тебя поскорее сломать, а когда ты, наконец, сломался, тебя тащат в

больницу, и огромное число людей упивается тем, что возвращает тебя к жизни. Странная игра. Игра ни во что.

Давид Юм сказал, что, умирая в 65 лет, человек не теряет ничего, кроме нескольких лет недомогания. Ну, мне 61 - не велика разница. Допустим, меня подлечат и я выпишусь отсюда, чтобы в скором времени снова сюда попасть. Да ведь я уже здесь. Нужна ли эта интерлюдия?

Наверное, он приходил к кому-нибудь другому, а я тут оказался случайно. Что ж так и запишем... в наших записках: этот день приходил не ко мне.

14. VIII.

Свершилось! Сегодня нас посетил сам профессор Землянский. Произошло это так. С утра, еще до обхода, забежала моя пигалица, очень взволнованная, внимательно на меня посмотрела и сказала, чтобы я готовился, так как профессор выразил желание меня посетить. Явление это здесь нечастое. Профессор, говорят, в клинике вообще бывает редко. У него много всяких других обязанностей - он член президиума Медицинской академии, председатель терапевтического общества, главный редактор какого-то журнала, еще кто-то. К тому же он представляет советскую медицину за рубежом, так что его визиты к отдельным больным - целое событие. Думаю: значит, кто-то ему обо мне рассказал. Глупо, конечно, - какое это может иметь значение, а все-таки приятно.

Внимание такого человека что-то да стоит. Говорят, очень интеллигентен, чуть ни на пяти языках свободно изъясняется. В искусстве хорошо разбирается (в медицине, кажется, похуже)... не все на свете все-таки по благу делается, как это себе мой сосед представляет. Есть какие-то другие связи между культурными людьми. Как-никак, я тоже известный инженер-строитель, член Союза архитекторов...

Минут через десять, действительно, дверь открывается и входит профессор. Огромного роста мужчина, голова бритая, борода седая, импозантен до невозможности. За ним целая свита: ассистенты, ординаторы

и пигалица моя среди них. Он на меня пальцем показывает и, обращаясь к ней, говорит: "Этот?" - "Этот, Николай Иванович". - "Ну, смотри, - говорит, - он у тебя совсем свеженький". Подсаживается ко мне на кровать, по ноге меня похлопывает, голубчиком называет. Расспрашивает все подробно, только, как ни странно, почему-то все больше насчет желудка: сколько раз в день работает, как работает... Я ему даже хотел сказать, что у меня не запор, а инфаркт, но сдержался. Вообще очень мил: шутит, балагурит, какие-то истории из своей медицинской практики вспоминает; все предписания моей пигалицы одобрил, какие-то лекарства добавил, какие-то убавил, но, в общем, нашел, что лечат меня очень правильно.

Говорят, есть врачи, которым больных показывают, и врачи, которых больным показывают. Наш профессор, очевидно, принадлежит ко вторым. В его присутствии болезнь воспринимается как какое-то забавное недоразумение, исправить которое - плевое дело.

Ко мне он обращался на "Вы", что меня несколько удивило, потому что я слышал, что, как правило, он говорит больным "ты".

Про него рассказывают в больнице много всяких анекдотов. Вот один из них. Какая-то старушка лежала в его отделении то ли с инсультом, то ли с воспалением легких. Профессор очень внимательно ее осмотрел, дал указания, как лечить и удалился, вселив в пациентку надежду на скорое выздоровление. Во время следующего своего обхода он остановился у кровати больной и, удивленно подняв брови, спросил: "Как, ты еще жива?". Старушка относилась к своей болезни серьезно, и, не оценив остроумие эскулапа, разрыдалась.

В общем, не буду кривить душой, знакомство с профессором Землянским доставило мне удовольствие. Единственно, что мне было обидно, так это то, что на Ивана Игнатьевича он не обратил ни малейшего внимания. Я на него несколько раз украдкой взглянул: лежит мрачный, делает вид, что газету читает.

Уже совсем собравшись уходить, профессор, как бы невзначай, вдруг роняет: "Так я что-то не понял, Михаил Сергеевич Тоцкий кем же вам доводится - зятем или кумом?" "Зятем, зятем - говорю. - Только он не мне зятем доводится. Он, вот моего соседа, Ивана Игнатьевича, зять".

Чувствую, в свите какое-то движение, переглядываются, перешептываются, кто-то даже смешок подавить не сумел. Профессор и бровью не повел. (Вот что значит - интеллигентный человек.) Ничем не дал понять, как ему обидно, что на меня впустую полчаса угробил.

"Ах, вот оно что, - говорит, - ну сейчас мы и им займемся". На пигалицу строго посмотрел.

"Так, резерпин ни в коем случае не отменять. Поняла?" - и переехал на соседнюю кровать.

"Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными".

К римлянам послание святого апостола Павла. Глава 8. Стих 26.

17. VIII.

Когда я помру, приятели будут вспоминать меня, и мои замечания будут казаться им значительными. Они будут усматривать в них мудрость, которую в свое время не оценили. Так всегда бывает с высказываниями человека, которого уже нет.

На все его слова и поступки смерть ставит печать законченности. И уже одно это делает их значительными в жизни, где все так двусмысленно и неопределенно.

- А помните, как Семен однажды сказал...

И они будут качать головами и замолкать, а на лицах будет появляться то благочестивое выражение, которое всегда появляется у живых при упоминании о покойнике.

Вижу эту сцену как наяву. Вот Андрюша, вот Моисеич - потупил задумчиво очи, а сам, небось, думает о чем-то совсем другом, вот Виктор Николаевич...

Боже мой! Боже мой. Мы живем в мире отработанных схем, многократно проигранных ситуаций. Кириллу этот образ бы понравился. Если бы он пришел меня проведать, я бы его позабавил.

"Может быть, у меня со временем хватит духа его навестить". Глупый мальчик. "Со временем", - это будет на Ваганьковском кладбище. Туда-то он, конечно, придет. Я даже очень ясно представляю, как это будет. Осенний день... А, да к черту все это. Что сегодня по радио-то интересного?

28. VIII.

Давно уже не делал записей. Нет никакой охоты. Все хуже и хуже. Воздуха не хватает; дышать нечем. Ужасная вялость, все больше сплю...

31. VIII.

Плохо, совсем мне плохо. « Je meurs, je meurs; tout me l'annonce» ("Я умираю, я умираю. Все мне говорит об этом", - первая строчка стихотворения Беранже "Последняя песня"). Ночью около меня теперь дежурит сестра; следит, чтобы я во сне не повернулся на бок. Бедная девочка не спит из-за этого всю ночь.

Устал, не хочу больше.

Вчера вечером сердце совсем остановилось. Думал, умираю. Не чувствовал ни огорчения, ни страха, скорее - облегчение. Потом слышу: "Принести вам умыться? Давайте я вам рот вытру". Открыл глаза - утро.

3. IX.

Синичка все время головой вертит: то одну, то другую белую щечку показывает. А воробьи сидят, нахохлившись - вниз смотрят. Иван Игнатьевич приделал к подоконнику кормушку и расстраивается, что сейчас не зима и его угощения не пользуются успехом. Вчера на эту кормушку ворона плюхнулась. Вид у нее был совершенно ошалелый. Когда улетала, то все перевернула. Иван Игнатьевич был очень возмущен. Что-то я не пойму: помираю я, не помираю - как-то ни туда ни сюда.

14. IX.

Сегодня первый раз разрешили встать. Пришла Ольга, пришел Дима. Опираясь на них, я дошел до двери и обратно. Устал. Опьянел. Чувство нереальности не покидает. Что же это, в самом деле? Я ведь уже уходил. Почти совсем ушел. Меня окликнули у двери. Я застрял, и вот теперь не знаю, где же я - тут ли, там ли? Сегодня, когда лежал один, вдруг ни с того ни с сего заплакал. Такого со мной уж много лет не случалось. Кружится все, ни на чем не могу остановиться: травую вдруг запахнет, маму вижу, чувствую себя таким немощным, таким беспомощным.

Когда подошел к двери, то стало страшно, что назад не дойду. А они все мне улыбаются, меня поддерживают. Какие милые, прекрасные люди. Побывать бы с ними еще немножко. Дима - почему он вдруг ко мне приходит. Я так мало уделял ему внимания. Младший чертежник. Совсем недавно к нам поступил. Оказался таким тонким, таким обаятельным человеком... Если бы я что-нибудь смог для них сделать. Доктор сказал, что дня через два можно будет выйти в коридор. Неужто, я снова смогу идти по улице, сидеть на скамейке, будут желтые листья?

17. IX.

Сегодня ночью ездил на дачу. Дорогу туда не помню. Может быть, ее и не было. А пруд почти совсем не переменялся с тех послевоенных лет, когда я видел его в последний раз. Лесок за плотиной, пожалуй, стал повыше. Я не

ходил туда, но видел все его тропинки и лужайки. В моем возрасте, чтобы преодолевать расстояния, не надо садиться в самолет: достаточно прикрыть глаза, чтобы видеть черепичные крыши Мейсона, и das Schlos вознесенный высоко над Эльбой, и дом Лукаса Кранаха в Веймаре, и маленькое кладбище на Joganestrassen, где похоронена жена Гете, а недалеко от нее лежит кто-то, кто был "Fidele a son Dieu, a son Devoir, a son amis" (Верен своему Богу, своему Долгу, своим друзьям). И снова видеть пруд, низкие берега которого поросли осокой, и переноситься через время, и снова быть брошенным мужем, которого друзья пригласили летом к себе на дачу, и снова пережить это таинство разрыва столь мучительное и столь прекрасное.

Я сидел на скамейке и смотрел на воду. Ко мне подошла молодая женщина и попросила разрешения сесть рядом. Она сказала, что мое лицо ей знакомо, но она никак не может вспомнить, где меня видела. Я ответил, что внешность моя столь заурядна, что она могла видеть меня где угодно. Она засмеялась и покачала головой. Потом она сказала, что живет сейчас на даче у своих друзей, и я не удивился, когда сообразил, что это та же самая дача, на которой когда-то жил и я. Мне было очень хорошо; я не знаю, когда еще в жизни мне было так хорошо.

Как возвращался на станцию - не помню, а жаль, потому что я люблю этот участок дороги, когда дачи остаются позади и ты пересекаешь темное поле, медленно приближаясь к разноцветным огонькам семафоров и маленькой платформе с остроконечной крышей.

Я не прохожу в вагон, а стою в тамбуре перед открытой дверью; меня переполняет что-то новое, невозможное, потому что после всего, что было, невозможно ничего нового. Я стою перед открытой дверью, а мимо меня проплывают дачи, овраги, огоньки... жизнь.

20. IX.

Кажется, на "Суханово" надежд почти никаких нет, а в "Болшево" мне, по правде говоря, хочется ехать значительно меньше. Надо будет, чтобы Ольга

еще раз позвонила в местком. Не так-то часто я к ним за чем-нибудь обращался... Пожалуй, вот еще что: пусть Дима попросит Виктора Николаевича... или я его и сам могу попросить, если он ко мне завтра зайдет. У него, кажется, есть какое-то знакомство в министерстве... наплевать, что это не санаторий... главное, чтобы была отдельная комната.

Почему же, интересно, ко мне вчера никто не зашел? Ведь я же просил, чтобы мне принесли сюда этот чертеж. Сейчас у меня как раз есть время его спокойно посмотреть. Такой, кажется, пустяк...

Вот что: пожалуй, нужно записать - что мне принести в первую очередь:

1. Пронестил (японский препарат). Если удастся достать.
2. Шариковый карандаш с запасной штучкой.
3. Одеколон.
4. Сахарного песку (немного). Апельсинов не надо.
5. Чертеж (в первую очередь).
6. Книгу про Ван Гога.
7. Напомнить Ольге, чтобы она позвонила в местком.
8. Коробку конфет для пигалицы (небольшую). Поскольку пигалица и сама не велика. Что же еще?

Выписка из протокола пато-анатомического вскрытия

Больной Ширу С. И., 61 год, скончавшийся 20. IX. 1978 г. страдал общим атеросклерозом, с преимущественным поражением коронарных сосудов сердца. Инфаркт миокарда задней стенки левого желудочка с вовлечением перегородки. Недостаточность кровообращения второй степени. Смерть последовала при явлениях возникновения повторного инфаркта миокарда.

Зав. пато-анатомическим отделением М. М. Козлов